

# Городские жители и производство пространства (на примере российских городов)<sup>1</sup>

Петр Иванов\*

*В данной статье представлено основанное на ряде исследований, проведенных автором в разное время в 2012–2015 гг., концептуальное построение, описывающее структуры производства пространства в российских городах с акцентом на роли городских жителей в этих структурах. Для создания этого построения решается ряд таких задач, как различение горожан (citizens) и городских жителей (urban dwellers), описание паттернов пространственного поведения и участия городских жителей в производстве пространства, а также описание шести ключевых структур отчуждения городских жителей в России от участия в производстве пространства. В статье даются предложения по развитию исследовательской повестки и направлений дальнейших исследований в области производства пространства в российских городах, а также в области исследований городских жителей и городских активистов.*

**Ключевые слова:** социология города, производство пространства, городские жители, метаисследование, отчуждение, городской активизм, кризисное мышление

## Введение

Исследовательская повестка гуманитарных наук в нашей стране долгое время обходила вопросы городских исследований стороной. «Поворот к городу» в социологии, культурологии и других дисциплинах наметился только в последние несколько лет, до этого городская проблематика поднималась в основном в области социальной географии, экономики и правоведения. Главный вызов «поворота к городу» заключается в том, что, с одной стороны, он заземлен в прикладной научной деятельности, т.е. от результатов работы исследователя ожидается практическая применимость, как это происходит, например, в маркетинге, а сама по себе работа вынуждена быть оперативной, но, с другой стороны, «поворот к городу» происходит в ситуации отсутствующей языковой традиции городских исследований и, как следствие, оперирует заимствованными языками. Помимо того, что благодаря этому мы вынуждены иметь дело с крайне дисперсным дискурсом, мы еще и производим огромное количество феноменов, не имеющих внятного размещения в этом дискурсе друг относительно друга, а, как следствие, оперируем не столько понятиями, сколько идеологемами. Когда идеологема, такие как

---

<sup>1</sup> Автор выражает благодарность коллегам, принимавшим участие в исследованиях, послуживших материалом для данной статьи: **А. А. Высоковскому**, Т. Е. Шваревой, К. А. Поповой, А. Ю. Стрепетову, Л. В. Жвирблис, Ю. А. Милевскому, Г. А. Виткову, А. В. Чепурной, А. В. Ваньке, Д. Р. Кодзковой, Е. В. Фефеловой и др.

\* Иванов Петр, магистр социологии, куратор Лаборатории полевых исследований города, Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ. pivanov@hse.ru.

«мнение жителей», «креативный класс», «партисипаторное планирование», используются политиками, городскими чиновниками или активистами — это ожидаемо, но когда они звучат из уст гуманитариев, это закономерно вызывает критику в их адрес. Эту статью следует считать в том числе призывом к критической рефлексии идеологом в языке городских исследований. Собственно, на примере понятий «горожанин» и «участие жителей в принятии решений» (применительно к производству пространства (Лефевр, 2002, с. 27–22)) мы хотим показать, каким образом подобного рода рефлексия, опирающаяся на полевые данные, может осуществляться. Побочным продуктом такого рода рефлексии, безусловно, должны стать исследовательские вопросы разного порядка, которые и будут представлены в заключении статьи. Пока же нужно заострить внимание на том, что, несмотря на то что нами используется марксистская терминология («производство пространства», «отчуждение»), мы осторожны в применении марксистской оптики в городских исследованиях в России, как, впрочем, и многих других интеллектуальных традиций, описывающих город. О ряде институциональных причин такого положения дел пойдет речь далее, но здесь важно уточнить, что для описания различных процессов и феноменов мы будем прибегать к различным языковым и теоретическим ресурсам.

Понимание пространства как продукта производства необходимо нам для того, чтобы представить себе город как процесс, в который вовлечены различные акторы, будь то городские чиновники или башенные краны. Городское пространство является отражением общественных отношений, и, изучая вовлеченных в процесс производства пространства акторов и их проведение в этом процессе, мы можем понять работу структур общественных отношений. Городское пространство, будучи по своей природе физико-социальным (Карпов, 2001, с. 59–72), обладает гораздо меньшей гибкостью, нежели метафорическое пространство социальных отношений, а, следовательно, возможность схватить слепок той или иной структуры отношений через то, какого качества пространство производят акторы, гораздо шире и надежнее. Однако одним из важных вопросов является то, а какое, собственно, пространство мы именуем городским. На каком основании мы производим различие города и не-города? Является ли, скажем, дихотомия urban-rural пространственной, или же это пространственная метафора, которая не имеет явного географического выражения? Вслед за этим следует вопрос — а кого мы считаем горожанами? Горожанин — это пространственная категория, описывающая человека через его место проживания (Вирт, 2005, с. 93–118), или же это категория, описывающая человека через его практики?

Когда мы говорим о «горожанине», то зачастую имеем дело с идеологически, ценностно нагруженной конструкцией. Вячеслав Глазычев писал, что в России не сформировалось горожан (Глазычев, 2002), и для того чтобы описывать жителей большинства российских городов он предлагает термин «слобожане», а термин «слобода» для описания городов. Т.е. речь идет о том, что горожане, в отличие от слобожан, сами выбирают свое место поселения, осознают свои политические права, активно включены в процесс производства пространства. Слобожане же пассивны как в своей резидентной мобильности (где разместили, там и живут), так и в своей политической активности, а, следовательно, выключены из процесса производства пространства. Несмотря на эвристичность метафоры «слобода», нам сам термин видится не до конца релевантным и, как это бывает с объясняющими метафорами, не до конца объясняющим то, что призван объяснить. Подобного рода метафоры важны для начала разговора о городском, как, например, для начала разговора о городах Европы и Америки начала XX в. важнейшими метафорами стали *Gesellschaft* и *Gemeinschaft* Фердинанда Тенниса (Теннис, 2002) и постулированное Робертом Парком в 1915 г. принципиальное отличие социального в Большом Городе (Park, 1915, p. 577–612) от всех других форм человеческих сообществ. Тем не менее, возвращаясь к горожанам, нам видится необходимым



использовать более удачный с точки зрения идеологического нейтралитета термин «городские жители» (urban dwellers).

Прилагательное «городской» здесь требует дополнительных оговорок, с тем чтобы не создать неловкой ситуации, подобно той, в которой оказался Герберт Ганс (Gans, 1962), автор типологии «городских жителей», вычеркнувший из типологии обитателей субурбии, сочтя их «негородскими жителями». В целях фундирования прилагательного «городской» я бы обратился к третьей экологии, описанной Вахсмутом (Wachsmuth, 2012, р. 506–523), которая рассматривает город как городской регион в сложных экосистемных отношениях с прилегающими территориями. Таким образом, мы решаем проблему территориальности через достаточно расплывчатую географически, но достаточно легко описываемую в категориях энвайроментального подхода привязку: «городской» — значит имеющий экосистемную связь с городом, будь то дыхание городским воздухом, строительство жилища из городского мусора или ежедневное пользование городским метрополитеном. А вот с «жителем» все несколько сложнее, потому что «житель» комфортно себя чувствует только в достаточно гибком пространстве энвайроментального подхода. Как только речь начнет идти о градостроительстве, в особенности о юридическом его измерении, проблем не миновать. Однако пока я воздержусь от рассуждений о юридической субъектности городского жителя и перейду к описанию его таким, каким он предстал в различных исследованиях, которые осуществляли мы с моими коллегами в разное время с 2012 по 2015 г.

### Данные исследовательских проектов

Статья основывается на материалах нескольких исследовательских проектов.

1) Исследование «Борьба за горожанина», массовый панельный опрос, проведенный в 2013 г. Высшей школой урбанистики им. А. А. Высоковского совместно с маркетинговым агентством «Профи-исследования». Выбор городов для опроса строился на основании Индекса развития человеческого потенциала региональных столиц России, составленного в рамках того же исследования. В первую линию опроса попали 6 региональных столиц, характеризующихся высоким и средним уровнями развития человеческого потенциала, — Екатеринбург, Тюмень, Краснодар, Томск, Воронеж, Новосибирск. Во вторую линию опроса попали города, характеризующиеся низким уровнем развития человеческого потенциала, — Омск и Волгоград. Выборка первой линии составила 5400 респондентов, второй — 1200 респондентов. Подробно с отчетом об исследовании можно ознакомиться на сайте Московского урбанистического форума<sup>2</sup>.

2) Исследование городских дворов Москвы, массовый опрос, проведенный в 2013 г. совместно с фондом «Городские проекты Ильи Варламова и Максима Каца». Интернет-опрос по Москве, в границах до присоединения Новой Москвы. Объем выборки составил 1759 респондентов. Выборка смещена в сторону мужского пола и среднего возраста респондентов. Массовый опрос сопровождался качественным интервьюированием по единому полужформализованному гайду с тематическими вариациями на различных территориях, на качественном этапе было взято 62 интервью. Подробно с отчетом об исследовании можно ознакомиться на сайте фонда<sup>3</sup>.

3) Исследование двора на ул. Академика Анохина, 38 в г. Москва, исследование смешанного дизайна, подразумевавшего опрос жителей четырех многоквартирных домов в районе Тропарево-Никулино, а также наблюдение и проектные группы с жителями этих

<sup>2</sup> URL: <http://2016.mosurbanforum.ru/books/> (дата обращения: 9.06.2016).

<sup>3</sup> URL: [https://city4people.ru/blog/blog\\_437.html](https://city4people.ru/blog/blog_437.html) (дата обращения: 9.06.2016).

домов, посвященные вопросу благоустройства их двора. Это и ряд других исследований в районе Тропарево-Никулино подробно описаны в сборнике «Тропарево-Никулино: Опыт городского самоуправления»<sup>4</sup>.

4) Исследование структур идентичности г. Кимры Центра полевых исследований в 2015 г. Исследование выполнено в качественной парадигме, в ходе исследования проведено 80 интервью с жителями г. Кимры Тверской области. Исследование было направлено на выявление структур идентичности и территориальной дифференциации города<sup>5</sup>.

### Ключевые характеристики городского жителя

В ходе исследования «Борьба за горожанина» нами был выявлен ключевой элемент привязанности городского жителя к городу — экономический. Мы можем это утверждать на основании того, что фактор удовлетворенности работой и заработной платой показал сильную корреляцию с частотой положительного ответа на вопрос «Скажите, вам в целом нравится или не нравится жить в вашем городе?». Единый агломерационный процесс в нашей стране, описанный Натальей Зубаревич (Zubarevich, 2013), характеризуется тем, что экономика страны концентрируется в больших городах, в первую очередь в региональных центрах, и далее, в еще большей степени, концентрируется в Москве и Санкт-Петербурге. Такая сверхцентрализация приводит к тому, что даже жители достаточно отдаленных от центров населенных пунктов связывают свою жизнь с мегаполисами, например, через практику отходничества (Plusnin, Pozanenko, Zhidkevich, 2015, р. 35–71), описанную Симоном Кордонским и его коллегами. Исследование «Борьба за горожанина» показало, что ключевым фактором удовлетворенности городской средой для городских жителей является удовлетворенность работой. Которая, в свою очередь, в наибольшей степени состоит из удовлетворенности заработной платой. Однако не стоит думать, что поведением городских жителей управляет в чистом виде аутичная экономическая рациональность. В интервью, полученном в ходе изучения города Кимры, молодой человек из Пензы, работающий в Кимрах строителем, утверждал, что получать 50 000 рублей и из них 25 000 рублей отдавать за жилье менее выгодно, чем получать 25 000 рублей и отдавать за жилье 2500 рублей. Это утверждение является примером того, как представления городских жителей об экономике и экономической целесообразности не совпадают с формальной экономической целесообразностью.

Помимо экономической связи с городом городских жителей России объединяет ценность природы. Жители г. Кимры в интервью часто в различных вариациях сообщали нашей исследовательской группе: «У нас город хороший! Как в лесу живем!». И что-то подобное можно услышать в других российских городах. В 2013 г. совместно с фондом «Городские проекты Ильи Варламова и Максима Каца» было проведено исследование того, как жители Москвы оценивают свои дворы. В ходе этого исследования мы ставили своей задачей выявить, какие факторы влияют на оценку жителями своих дворов. В результате факторного анализа мы выявили один действительно (0.385) значимый фактор — оценка качества озеленения. Даже учитывая, что ссылка на интернет-опрос распространялась с помощью блога Ильи Варламова, т.е. мы ожидали, что получим какие-то искажения, связанные с тем, что значительная часть аудитории — люди, с интересом читающие про качество укладки плитки и красоту парковочных столбиков, даже

<sup>4</sup> По неизвестным причинам данный сборник был удален с сайта Московского урбанистического форума, в связи с чем автор был вынужден выложить его на своей странице Academia.edu в авторской редакции в разделе Drafts (URL: <https://hse-ru.academia.edu/PetrIvanov>).

<sup>5</sup> Отчет о результатах исследования см.: Презентация отчета Центра полевых исследований 2015 года // Academia. URL: <https://www.academia.edu/15515330/> (дата обращения: 9.06.2016).



несмотря на это единственным значимым фактором оказалось озеленение. В небольшом (n = 96) волонтерском исследовании г. Мытищи, в ходе которого мы хотели выявить структуры идентичности этого индустриального города-спутника, мы столкнулись с тем, что жители Мытищ точно так же ценят в своем городе то, что в нем «зелено». Некоторые респонденты даже указывали это в качестве причины, по которой они переехали в этот город-спутник из мегаполиса. Опять же, в «Борьбе за горожанина», когда мы спрашивали о том, где жителям региональных столиц хотелось бы жить, наиболее популярным ответом стал: «Жить поближе к природе». Там же мы выяснили, что 42% жителей региональных столиц в целом не интересуются городскими благами и услугами, они работают преимущественно в городе и редко пользуются социальной инфраструктурой, такой как поликлиники и школы. Кинотеатры, парки, боулинг, бассейны и театры их совершенно не интересуют, зато они предпочитают ходить в гости или проводить свободное время дома. Таким образом, обобщая этот пункт, можно сказать, что в большинстве своем жители городов России плохо различают городскую среду и ограниченно пользуются городскими благами.

Еще одной важной чертой жителей региональных столиц является то, что они сторонятся любых форм самоорганизации. Так, из 5400 респондентов только 20% состоят в каких-либо формальных или неформальных организациях, будь то профсоюзы, ТСЖ, ТОС и другие. 80% не состоят вообще нигде. И почему-то в связке с самоорганизацией идет любовь к походам в театр, неудовлетворенность заработной платой и уверенность в том, что в городе легко можно вести бизнес. Когда в 2012 г. мы проводили опрос на Анохина, 38<sup>6</sup>, с тем чтобы на основании этого опроса сформировать эскизный проект благоустройства двора, то наиболее типичным сценарием диалога информанта с интервьюером был такой:

*Интервьюер: Здравствуйте! Мы проводим опрос для того, чтобы разработать проект благоустройства вашего двора!*

*Информант: Здравствуйте! Нет, я, наверное, отвечать не буду, но вот там на втором этаже живет активная женщина, она вам все расскажет (женщина, 40–50 лет, Тропарево, 2012).*

Т.е. даже оказавшись в ситуации вокализации, ситуации, когда ему дают возможность принять участие в трансформации городской среды вокруг своего дома, житель российского города находит способ уйти от участия. Также в этом диалоге важно то, что житель российского города признает за собой невысокую способность к различению городской среды и делегирует свое право на участие в производстве пространства тому, кто, по его мнению, обладает данной способностью («активная женщина»). В исследовании «Борьба за горожанина» мы также задавали жителям региональных столиц довольно широкий спектр вопросов, касающихся форм участия, и обнаружили, что менее 10% горожан когда-либо писали обращения в органы власти, участвовали в публичных слушаниях или же ходили на собрания советов депутатов. Тот факт, что в нашу выборку попало целых 208 (4% от всех респондентов!) старших по подъезду, смотрится на этом фоне занимательным курьезом, в особенности если принять во внимание, что вовлеченность в самоуправление у старших по подъезду немногим отличается от вовлеченности лишенных этого титула респондентов. Длительное включенное наблюдение за сообществами городских активистов в районе Тропарево-Никулино (частично

<sup>6</sup> Иванов. П. В. Что мы наделали: Социальное обследование двора в Тропарево-Никулино // UrbanUrban. Интернет-журнал. 19.03.2013. URL:

<http://urbanurban.ru/blog/space/209/Chto-my-nadelali-Sotsialnoe-obsledovanie-dvora-v-Troparevo-Nikulino> (дата обращения: 9.06.2016).

результаты этого наблюдения зафиксированы в публикации «Тропарево: опыт местного самоуправления»<sup>7</sup> к Московскому урбанистическому форуму 2013 г.) показало отсутствие каких-то четких ценностных структур, превращающих обычного жителя российского города в активиста — среди городских активистов встречаются носители принципиально различных политических воззрений и этических принципов, что, например, нашло отражение в обострении и без того несколько напряженных отношений в сообществе активистов после аннексии Крыма. Однако данный вопрос требует дополнительных исследований, поскольку на текущий момент тема городского активизма в России разработана явно недостаточно, за исключением большой работы Карин Клеман и ее коллег (Клеман, Мирясова, Демидов, 2010), а также значительного пласта литературы по градостроительным конфликтам<sup>8</sup>.

Таким образом, в завершении этого раздела следует подчеркнуть ключевые характеристики жителя российского города. Он плохо дифференцирует городское пространство, ограниченно им пользуется и дистанцируется от участия в производстве и регулировании городского пространства, избегая возможностей самоорганизации. В следующем разделе статьи речь пойдет о структурах отчуждения, во многом задающим подобного рода характеристики жителей российских городов.

### Шесть структур отчуждения

Разговор о структурах отчуждения городского жителя в России следует начать с тезиса Эдуарда Трутнева о «неупакованности» (Трутнев, Сафарова, 2009) российских городов, в особенности «неупакованности» Москвы (Трутнев, 2015, с. 13–32), в которой до сих пор не могут принять правила землепользования и застройки. Советские градостроительство и градорегулирование не имели дела с различными субъектами, действующими в городе, но по сути дела работали в режиме монолога властвующего субъекта, трансформирующего и дифференцирующего пространство в соответствии со своими задачами. После распада Советского Союза и трансформации общественных отношений, сопутствовавшей этому процессу возникла потребность в формулировании и фиксации на законодательном уровне новых принципов взаимодействия субъектов в городском пространстве. Однако до конца этот проект не реализован и по сей день, в связи с чем позиция многих потенциальных участников производства пространства в городах России является либо недостаточно закрепленной законодательно, либо незакрепленной вообще. Т.е. по сути дела отсутствуют единые правила игры и система норм и санкций, которая бы фиксировала права и обязанности субъектов производства пространства. В ситуации, когда правила игры непонятны, включаются механизмы неправового регулирования отношений, что, в частности, приводит к необходимости минимизировать число включенных в производство пространства субъектов, порождая выглядящий неолиберально (однако, в полной мере им не являющийся) сговор бизнеса и власти. Проблема возникновения дополнительных акторов, в виде тех же городских жителей или местного бизнеса, может решаться различными способами — строительством «в чистом поле», где еще нет и не может быть никаких акторов, имеющих интересы, конструированием лояльных акторов, через фальсификацию общественных слушаний

<sup>7</sup> Высоковский А. А., Иванов П. В., Попова К. А. и др. Тропарево-Никулино: Опыт городского самоуправления (авторская редакция) // Academia. URL: <https://hse.ru.academia.edu/PetrIvanov> (дата обращения: 9.06.2016).

<sup>8</sup> См., например: Тыканова Е., Хохлова А. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122; Мирясова О. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. Июль-август. № 4 (110). С. 50–56.



или задействование административного ресурса для «правильного» голосования или же открытыми действиями в неправовом поле, включая применение силовых методов в отношении требующих голоса акторов. Таким образом, «неупакованность» российских городов и несовершенство градостроительного права являются как бы нулевой структурой отчуждения, фоном, на котором разворачиваются шесть структур отчуждения российских городских жителей от процесса производства пространства.

Первая структура отчуждения — структура присутствия недосыгаемой власти. Эта структура тем отчетливее видна, чем с более крупным городом мы имеем дело, и наиболее явно заметно в Москве. Речь идет о том, что житель города живет в пространстве, которое в любой момент может быть изменено под действием нетранспарентных для городского жителя сил. Еще вчера в его дворе было тихо, а уже сегодня какие-то люди в спецовках снимают резиновое покрытие с детской площадки, выкорчевывают лавочки и проводят ремонт газона. В своих исследованиях мы часто спрашиваем людей об их представлениях о структуре городского управления. И, как правило, представление об этой структуре есть в ограниченном режиме либо у чиновников, работающих в городском управлении, либо у активистов, которым пришлось изучить устройство городского управления для того, чтобы понять, каким же образом им действовать для решения своих задач. Обычный житель московского района может считать, что благоустройством его двора занимается мэрия, а в целом районом управляет префект. В случае если благоустройство приходит в его двор, то житель не знает, что двор был определен на муниципальном собрании. О муниципальном собрании он также, скорее всего, не знает — в Москве мы сталкивались с осведомленностью о существовании муниципальных депутатов только в районах, в которых оказывались единичные активные муниципальные депутаты. И то, как правило, осведомленность тесно связана с принадлежностью к городским активистам и включенностью в активистские структуры районного социального капитала. Т.е. по сути дела отчуждение через присутствие власти достигается за счет того, что власть предстает для городского жителя как некоторая неведомая, непостижимая структура, обладающая исключительным правом трансформировать городское пространство. Тем самым власть разрушает связь городского жителя с территорией.

Вторая структура отчуждения кроется в системе расселения, доставшейся в наследство от СССР. Как пишет В. Л. Глазычев в «Глубинной России», зарубежных планировщиков поразило, что в отдельно взятом районе Москвы можно найти представителей самых разных специальностей и родов занятий, самых разных социальных статусов, уровней дохода и т.п. Безусловно, с какой-то точки зрения это и может рассматриваться как существенный плюс, однако с точки зрения самоорганизации и участия городских жителей как коллективного территориального актора в процессе производства пространства это существенный вызов. Коммуникация затруднена в силу негативных эффектов восприятия друг друга людьми различного дохода (Воусе, Brown, Moore, 2010) и иных визуально заметных параметров, в то время как сходства, в особенности в образе жизни, наоборот, стимулируют межличностную коммуникацию (Kalmijn, 1999, p. 395–421). Изначально классово, статусно, сословно чуждые друг другу городские жители с большим трудом могут выработать общую повестку и консенсус вокруг территории как общей ценности. Гетерогенность расселения не дает возможности городским жителям на определенной территории создать моральный регион с выраженными характеристиками. По этой причине в России почти нет престижных районов, джентрифицирующихся районов, бедных районов. По той же причине в России пока почти нет гетто. Модель Берджесса (McKenzie, Park, Burgess, 1915) не работает в Москве и других российских городах, и разница в гент между разными районами формируется не в результате экосистемного процесса, но в результате манифестации воли риэлтерского сообщества. Таким образом, городские жители не могут влиять на стоимость своей недвижимости

через практики самоорганизации и участия в производстве пространства, поскольку изначально говорят на различных языках, преследуют различные цели и наделены различными ценностями. А исходя из этого возникает кризис репрезентации в локальной пространственной политике — муниципальные депутаты и активисты вынуждены репрезентировать либо собственную волю и ценности, либо оказываются репрезентантами воли городской власти.

Связанная с этим структура отчуждения, третья по счету, — низкая резидентная мобильность. В силу того, что в российских городах практически отсутствуют ярко выраженные моральные регионы<sup>9</sup>, смена места проживания является достаточно редким и нежелательным событием ввиду ограничения возможных мотиваций к данному действию. Это приводит к тому, что основная часть городских жителей накапливает капитал аборигенности<sup>10</sup>, что, в соответствии с исследованиями польских коллег, ведет к снижению вовлеченности в производство пространства. Мария Левика показывает (Lewicka, 2005), что в производство пространства с большей вероятностью оказываются вовлечены высокомобильные городские жители, которые скорее, нежели низкообильные жители, выбирают среду своего обитания и озабочены ее качеством. Однако здесь есть и другая сторона — наши наблюдения на публичных слушаниях в Тропарево-Никулино показывают, что в ситуации действия в процессе производства пространства для городских жителей значимой риторической фигурой является упоминание своего капитала аборигенности<sup>11</sup>. Так, представляясь на слушаниях, выступающий произносит свое имя, фамилию, адрес и год, с которого он проживает в районе. В свете обусловленного второй структурой отчуждения отсутствия морального региона на территории, капитал аборигенности становится единственной разделяемой всеми участниками публичных слушаний ценностью.

Четвертой структурой отчуждения является низкая дифференциация пространства в российских городах. В особенности это касается среды советской микрорайонной застройки. В нашем исследовании района Москвы Котловка мы с коллегами по Лаборатории полевых исследований города регулярно сталкиваемся с нарративом «Наш район самый обычный, все очень плохо». Далее этот нарратив развивается через перечисление грязного песка в песочницах, мусора на улице, нуждающихся в ремонте домов, отсутствия коммерческой и культурной инфраструктуры. Эта структура отчуждения тесно связана с предыдущими структурами. Гетерогения расселения приводит к гомогенности организации пространства. А гомогенность пространства, в свою очередь, еще больше снижает репертуар мотиваций к резидентной мобильности. Когда мы с коллегами изучали районирование города Кимры и пытались понять, какие из районов являются более престижными, а какие менее, то оказалось, что жители города не мыслят такими категориями (хотя районирование в их ментальных структурах присутствует). Престижными или непрестижными оказывались отдельные дома. Чем дом новее — тем престижней. Подобные же структуры обнаруживались в Тропарево-Никулино, где жители также рассматривали как престижные более новые дома, а как непрестижные — более старые.

Пятая структура отчуждения — разрушенное, в особенности в Москве и Санкт-Петербурге, местное самоуправление — является во многом производной от предыдущих структур. В ситуации, когда мы имеем дело с кризисом репрезентации, отсутствием представления об устройстве городской власти и отсутствием моральных регионов, по сути дела нет такого актора (или акторов), которому были бы необходимы структуры

<sup>9</sup> Под моральными регионами мы понимаем теоретическую конструкцию, введенную Робертом Парком. См.: Парк Р. Э. Избранные очерки: сборник переводов / Пер. В. Г. Николаева. М., 2011.

<sup>10</sup> Под капиталом аборигенности подразумевается срок проживания индивида на территории.

<sup>11</sup> Иванов П. В. Социальная антропология публичных слушаний // Livejournal. 14.04.2013. URL: <http://gilgitaxias.livejournal.com/5410.html> (дата обращения: 9.06.2016).





местного самоуправления для формализации интеграции своих интересов в процесс производства пространства. Политика московских властей направлена на минимизацию числа акторов, задействованных в производстве пространства. Так, например, в Москве реализуется эксперимент по слиянию структуры ДЕЗ-ГУИС-подрядчики в единую государственную структуру ГБУ «Жилищник»<sup>12</sup>. Или как, например, в Тропарево-Никулино, где за счет различных как правовых, так и неправовых инструментов парализуется работа муниципального собрания депутатов по причине наличия там муниципального депутата с отличной от провластной повесткой. В различных городах России разворачивается процесс передачи полномочий городской власти на региональный уровень. Так, например, в Екатеринбурге вопросами организации митингов и шествий на данный момент занимается региональная власть, не являющаяся, в отличие от городской, компетентной в данных вопросах. Таким образом, законодательство фиксирует подспудное стремление власти и бизнеса к упрощению структуры производства и регулирования пространства.

Наконец, шестая структура отчуждения — кризисное мышление, описанное Ольгой Шевченко в книге «Crisis and everyday life in postsocialist Moscow» (Shevchenko, 2009). Книга описывает структуры поведения москвичей, зафиксированные автором в 1990-е годы и в самом начале 2000-х, однако есть основания полагать, что выделенные автором механики релевантны и для современного российского общества. Речь идет о структурах реакции на «кризис» (который понимается как мыслимая индивидом аномия), характеризующихся в первую очередь созданием конструкций, замещающих институты. Так, например, железные двери в квартиру замещают институт милиции, обращение к знахарям и народной медицине замещает институт формальной медицины и т.д. В ситуации кризиса локус контроля предельно сужается, и мысли городского жителя сконцентрированы на том, что он точно может контролировать, на пространстве квартиры, на выживании семьи. Действие вне этого пространства рассматривается как нежелательное, чреватое опасностями и рисками. Исследование ценностей «Евробарометр-2015»<sup>13</sup> зафиксировало небольшое увеличение межличностного и институционального доверия в России, однако в целом обе структуры доверия в России остаются крайне низкими. Одним из важных показателей доверия является восприятие того, насколько легко вести в городе бизнес. И, по сути дела, наши данные, полученные в исследовании «Борьба за горожанина», также демонстрируют негативную связь кризисного мышления и вовлеченности в процесс производства городского пространства. 42% категорически неактивных городских жителей интересуются только работой и социальными услугами и склонны считать, что вести бизнес в их городе затруднительно, в то время как активные горожане склонны считать, что вести бизнес легко, и активно пользуются городской средой. Эта структура отчуждения тесно связана с «нулевой» структурой, поскольку также затрагивает вопрос правил игры. Однако речь здесь идет не столько о правовом регулировании правил игры, сколько о культурном. Кризисное мышление приводит городского жителя к мысли, что отсутствие нормы является нормой, что в городской среде действует режим элементарных санкций, что если институты и существуют, то они мальфункциональны и их деятельность диаметрально расходится с декларируемой. А, следовательно, участие в процессе производства пространства, в котором задействованы эти мальфункциональные институты, не только бессмысленно, но и категорически нежелательно, поскольку режим элементарных санкций подразумевает в том числе физическую расправу.

<sup>12</sup> Иванов П. Всадник коммунального Апокалипсиса // UrbanUrban. Интернет-журнал. 06.02.2014. URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/339/Vsadnik-kommunalnogo-Apokalipsisa> (дата обращения: 9.06.2016).

<sup>13</sup> Презентация «Флэш-Евробарометр. 2015» / Центр социологических исследований. URL: [http://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/EB\\_2015\\_prezentatsia\\_07\\_09\\_ed.pdf](http://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/EB_2015_prezentatsia_07_09_ed.pdf) (дата обращения: 9.06.2016).

### Заключение

В статье мы посмотрели на городских жителей российских городов с разных сторон, увидев в них как несознательных недогорожан, так и жертв сложных структур отчуждения. Нами была описана необходимость оперирования термином «городские жители» для описания жителей российских городов и высказан ряд опасений, связанных с использованием вместо него термина «горожане». Далее мы на материале ряда исследований, основные из которых были осуществлены в период с 2012 по 2015 г., показали ключевые характеристики городских жителей в России, такие как преимущественно экономическая связь с городом, ценность природы и слабо выраженная способность к дифференциации пространства. В заключительной части статьи мы выделили шесть структур отчуждения городских жителей от участия в производстве пространства, разворачивающихся на фоне «неупакованности» российских городов и эрозии градостроительного права в РФ: присутствие недосыгаемой власти, гомогенизирующая гетерогения структуры расселения, низкая резидентная мобильность, низкая дифференцированность городской среды, государственная политика, направленная на уничтожение структур самоуправления, а также кризисное мышление. Описание городского жителя и структур отчуждения не является исчерпывающим, однако демонстрирует ключевые тренды, характерные для российских городов, что позволяет им быть ресурсом для построения исследовательских вопросов в рамках городских исследований.

### Литература

- Вирт Л. Избранные работы по социологии / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2005. С. 93–118.
- Высоковский А. А. и др. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда. URL: [http://repnoe.net/upload/iblock/1b1/issledovanie\\_gorodov.pdf](http://repnoe.net/upload/iblock/1b1/issledovanie_gorodov.pdf) [http://repnoe.net/upload/iblock/1b1/issledovanie\\_gorodov.pdf](http://repnoe.net/upload/iblock/1b1/issledovanie_gorodov.pdf) (дата обращения: 9.06.2016).
- Высоковский А. А., Иванов П. В., Попова К. А. и др. Тропарево-Никулино: Опыт городского самоуправления (авторская редакция) // Academia. URL: <https://hse.ru.academia.edu/PetrIvanov> (дата обращения: 9.06.2016).
- Глазычев В. Л. Глубинная Россия: 2000–2002 // Сайт В. Л. Глазычева. URL: [http://www.glazychev.ru/books/glubinnaya\\_rossia/GR\\_summary\\_ru.htm](http://www.glazychev.ru/books/glubinnaya_rossia/GR_summary_ru.htm) (дата обращения: 9.06.2016).
- Иванов П. Всадник коммунального Апокалипсиса // UrbanUrban. Интернет-журнал. 06.02.2014. URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/339/Vsadnik-kommunalnogo-Apokalipsisa> (дата обращения: 9.06.2016).
- Иванов П. В. Отчет по социологическому исследованию дворов Москвы в августе-ноябре 2013 года // Городские проекты Ильи Варламова и Максима Каца: сайт. URL: [https://city4people.ru/blog/blog\\_437.html](https://city4people.ru/blog/blog_437.html) (дата обращения: 9.06.2016).
- Иванов П. В. Социальная антропология публичных слушаний // Livejournal. 14.04.2013. URL: <http://gilgitaxias.livejournal.com/5410.html> (дата обращения: 9.06.2016).
- Иванов П. В. Что мы наделали: социальное обследование двора в Тропарево-Никулино // UrbanUrban. Интернет-журнал. 19.03.2013. URL: <http://urbanurban.ru/blog/space/209/Chto-my-nadela-li-Sotsialnoe-obsledovanie-dvora-v-Troparyovo-Nikulino> (дата обращения: 9.06.2016).
- Карпов А. Различение пространства в городе // Социологическое обозрение. Т. 1. 2001. № 2. С. 59–72.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.
- Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. Т. 2. 2002. № 3. С. 27–29.
- Мирясова О. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. Июль-август. № 4 (110). С. 50–56.



- Парк Р. Э. Избранные очерки: сборник переводов / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2011.
- Презентация «Флэш-Евробарометр. 2015» / Центр социологических исследований. URL: [http://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/EB\\_2015\\_prezentatsia\\_07\\_09\\_ed.pdf](http://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/EB_2015_prezentatsia_07_09_ed.pdf) (дата обращения: 9.06.2016).
- Презентация отчета Центра полевых исследований 2015 года // Academia. URL: <https://www.academia.edu/15515330/> (дата обращения: 9.06.2016).
- Тённис Ф. Общность и общество / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Трутнев Э. К., Сафарова М. Д. Градорегулирование в условиях рыночной экономики. М.: Дело, 2009.
- Трутнев Э. К. Город и право: логика циклического развертывания и свертывания из прошлого в будущее и из настоящего в прошлое институтов правового градорегулирования в постсоветской России // Городские исследования и практики. 2015. Пилотный номер. С. 13–32.
- Тыканова Е., Хохлова А. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.
- Boyce C. R., Brown G. D. A., Moore S. C. Money and Happiness: Rank of Income, Not Income, Affects Life Satisfaction // Psychological Science. 2010. Vol. 21 (№ 4). P. 471–475.
- Gans H. J. The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. N.Y.: Free Press, 1962.
- Kalmijn M. Inter marriage, and Homogamy: Causes, Patterns, Trends // Annual Review of Sociology. 1999. № 24. P. 395–421.
- Lewicka M. Ways to Make People Active: The Role of Place Attachment, Cultural Capital and Neighborhood Ties // Journal of environmental psychology. 2005. Vol. 25. № 4. P. 381–395.
- McKenzie R. D., Park R. E., Burgess E. W. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
- Park R. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment // The American Journal of Sociology. 1915. Vol. 20. № 5. P. 577–612.
- Plusnin Ju., Pozanenko A., Zhidkevich N. Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia // Mir Rossii. 2015. Vol. 24. № 1. P. 35–71.
- Shevchenko O. Crisis and the Everyday in Postsocialist. Moscow: Indiana University Press, 2009.
- Wachsmuth D. Three Ecologies: Urban Metabolism and Society-Nature Opposition // The Sociological Quarterly. 2012. Vol. 53. № 4. P. 506–523.
- Zubarevich N. Four Russias: Human Potential and Social Differentiation of Russian Regions and Cities // Russia 2025: Scenarios for the Future / Ed. by M. Lipman, N. Petrov. L.: Palgrave Macmillan, 2013.